

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	9
------------------	---

Книга первая. ПРОИСХОЖДЕНИЕ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

I. О том, как Галлия стала римской	13
II. О том, как варвары смешались с галло-римлянами	26
III. О том, как Каролинги попытались воссоздать империю	35
IV. О том, как развивался феодальный строй. Как случилось, что Капетинги наследовали Каролингам	44
V. О том, как Капетинги, округляя свой домен, сформировали Французское королевство	51
VI. О том, как Людовик IX освятил монархию и как Филипп Красивый ее укрепил	61
VII. О том, как в период Средних веков сформировалась французская цивилизация	72
VIII. Столетняя война.....	86
IX. Столетняя война (II)	96
X. О том, как Франция восстановилась и расширилась после Столетней войны	105
XI. О том, как в XIV–XV вв. Франция постепенно перешла от Средневековья к Новому времени	113
XII. О том, как в конце Средних веков Франция уже приобрела свои характерные черты	122

Книга вторая. ВОЗРОЖДЕНИЕ И РЕФОРМАЦИЯ

I. О том, как в Европе свершилась революция, названная позднее Возрождением	129
II. О том, как Италия сначала призвала французов на помощь, а затем изгнала их	134
III. О том, как Франция начала бороться с германскими государствами	141
IV. О том, как жили и о чем думали французы во времена Франциска I и Генриха II	151
V. О том, как Реформация привела к созданию во Франции политической партии	160
VI. О том, как Религиозные войны разделили и разорили Францию	167
VII. О том, как Генрих IV восстановил единство Франции	180
VIII. О том, как управлялась Франция после смерти короля Генриха IV	191
IX. О том, как Возрождение и Реформация изменили Францию	198

Книга третья. АБСОЛЮТНАЯ МОНАРХИЯ

I.	О том, как Людовик XIII и Ришелье упрочили дело Генриха IV	205
II.	О том, как Фронда стала революцией, но революцией провалившейся ...	217
III.	О том, как Великий король царил над Великим веком	227
IV.	О том, как в период царствования Людовика XIV само величие монархии подготовило ее крушение.	240
V.	О том, как Регентство ослабило монархию	254
VI.	О том, как в царствование Людовика XV Франция потеряла к себе уважение.	263
VII.	О том, как в XVIII в. философы превратились в могущественных политиков	275
VIII.	О том, как при Людовике XVI благие намерения привели к слабости власти	284
IX.	О том, как Франция оказалась в 1789 г. на грани революции, далее не подозревая об этом	295

Книга четвертая. ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

I.	Как начиналась революция	305
II.	Как Национальное собрание создало конституцию	315
III.	Как погибла монархия.	325
IV.	Как в недрах Конвента образовался Комитет общественного спасения ...	335
V.	Как террор привел к реакции Термидора	344
VI.	Как Директория подготовила Консульство и империю	352
VII.	Как первый консул вновь объединил Францию	363
VIII.	Как император завоевал Европу	374
IX.	Как император потерял Европу	384
X.	Как император свергнул короля и что из этого последовало	392
XI.	Как революция и империя преобразили Францию	400

Книга пятая. ВРЕМЯ КОЛЕБАНИЙ

I.	Почему Реставрация продержалась недолго	409
II.	Почему Июльская монархия оказалась недолговечной.	424
III.	Что думала и чувствовала Франция в период с 1815 по 1828 г.	440
IV.	Почему Вторая республика оказалась недолговечной	449
V.	Почему Вторая империя оказалась недолговечной	465
VI.	Как империя стала либеральной и как война 1870 г. привела к ее падению.	478
VII.	Как уходил со сцены романтизм	491
VIII.	Заключение	497

Книга шестая. ТРЕТЬЯ РЕСПУБЛИКА

I. Правительство национальной обороны	505
II. Как Франция стала республикой	513
III. Как республика стала республиканской	525
IV. Как три тяжелых кризиса поставили республику под угрозу	535
V. Как колониальное соперничество между Францией и Англией привело к «сердечному согласию»	546
VI. Как счастливо жила Франция перед войной 1914 г.	552
VII. Как была выиграна война 1914 г.	564
VIII. Как в период между 1919 и 1939 г. померкла победа	575
IX. Вторая мировая война (первая фаза)	587
X. Вторая мировая война (вторая фаза)	599
XI. Франция после Освобождения	609

Книга седьмая. ЧЕТВЕРТАЯ РЕСПУБЛИКА

I. Становление и падение Четвертой республики	619
II. Заключение	637

Генеалогические таблицы 643

Словарь 650

Именной указатель 653

Предисловие

«Вы уже написали „Историю Англии“ и „Историю Соединенных Штатов“, — сказали мои американские и английские издатели. Осталось завершить трилогию великих свободных наций и написать также и «Историю Франции». Я ответил, что уже существует множество «Историй Франции». «А разве не было уже написано множество „Историй“ наших стран? Мы не ждем, что вы обнаружите новые документы, но вы должны ясно и просто изложить то, что знаете сами».

Я колебался. Шла война. Я тоже испытывал необходимость обратиться к прошлому Франции, чтобы обрести в нем надежды на ее будущее; кроме того, я хотел, чтобы за границей ее лучше понимали. И я решил согласиться. Одна часть книги была написана в Америке, другая — в Африке, а последняя (та, где говорится о Третьей республике) — в Перигоре и Нейи. Что получилось из этой долгой работы? Судить не мне, а сам я могу только сказать о целях ее написания.

Я хотел объяснить читателю, почему Франция стала Францией. Она соседствует с Англией; не раз их пути развития совпадали. Почему же со временем обе нации так сильно разошлись? Откуда эти глубокие различия в характерных чертах и социальных институтах? Я попытался дать ответ на эти вопросы. Но вместе с тем от меня ждали Историю, а не эссе. Следовательно, нужно было дать связное изложение, нарисовать портреты. Общие рассуждения должны были предстать как заключения, а не как аксиомы. Поэтому в конце каждой из шести частей читатель найдет главу, в которой я обрисовал путь, пройденный Францией за описываемый период.

Я хотел сохранить правильное соотношение пропорций и, так же как я сделал это в отношении двух других стран, отвести нашему времени его законное место. Настанет день, когда будет не только можно, но даже необходимо написать «Историю Франции» с 1939 по 1947 г. Я не мог этого сделать в рамках настоящей книги: ее последние главы можно рассматривать всего лишь как оправу, которая оживет и получит свое наполнение, когда немного улягутся страсти. На протяжении всей книги я старался не искажать фактов в угоду своим чувствам. Не знаю, удалось ли мне это; иногда предубеждение может проскользнуть даже в самые оберегаемые от этого сочинения. Я старался как можно лучше взвешивать все за и против. В трудах Тэна и Мишле, Олара и Матьеза я всей душой

старался распознать истину. Но это вовсе не означает, что мне всегда удавалось ее найти.

В отличие от двух предыдущих работ, здесь нет библиографии. Да и как я мог бы ее составить? С самого детства я читал книги по истории Франции, биографии, мемуары. Этот список стал бы бесконечным и скорее подлинным, чем правдоподобным. Впрочем, вы найдете весь этот список у Лависса, у Альфана и у Саньяка, в томах «Коллекции исторического синтеза» и в томах собрания «Клио». Но я хотел бы выразить свою признательность и книгам, и тем людям, которые помогли мне лучше понять определенные эпохи. Это Жуанвиль и Фруассар, Коммин и Рец, Сен-Симон и Мемориал, читателя следует адресовать к Токвилю и Альберу Сорелю, к Тэну, к Сент-Бёву, к Гизо, к Фюстелю де Куланжу, к Камиллю Жюллиану, к Лагорсу, к Габриэлю Аното, к Бенвилю. Среди моих современников я многим обязан прекрасным книгам Луи де Мадлена, Марка Блока, Анри Пиренна, Дюка де Лафорса, Жозефа Кальметта, Этьена Жильсона, Пти-Дютайи, Фюнк-Бретано, Луи Альфана, Анри Фосийона, Жерара Вальтера, Леви-Мирпуа, Даниэля Алеви, Альбера Тибоде, Филиппа Саньяка и Люсьена Февра. Что касается самого последнего периода, то следует упомянуть труды Андре Зигфрида, Франсуа Гогеля («Партии при Третьей республике»), Шарля Моразе («Буржуазная Франция»), Адриана Дансетта («История освобождения Парижа»), Жана Фурастье и Анри Монтэ («Французская экономика в мире»).

Стараясь избежать возможных ошибок, я обратился к Анри Гиймену, агреже по истории, с просьбой прочесть мой текст. Робер Лакур-Гайе любезно просмотрел раздел финансов. И больше, чем обычно, мне постоянно помогала в работе моя жена.

А. М.

КНИГА ПЕРВАЯ

ПРОИСХОЖДЕНИЕ
И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

I. О ТОМ, КАК ГАЛЛИЯ СТАЛА РИМСКОЙ

1. В мире найдется немного мест, столь интересных для посещения, как долина реки Везер во французской провинции Перигор. Река катит свои темные воды между двумя скалистыми стенами. Высокие каменные откосы усеяны черными отверстиями — входами в пещеры и углублениями в горах. Гроты, многочисленные, как кроличьи норы на опушке леса, некогда создавали что-то вроде доисторического города. Во многих пещерах было найдено каменное оружие, орудия труда, кости животных и человеческие черепа. Примерно 30 тыс. лет тому назад здесь жили люди, которые достигали своих жилищ и выходили из них по узким тропинкам или по лестницам из лиан. Труднодоступность жилищ и огонь служили этим людям защитой от диких животных. Они жили охотой и рыбной ловлей, а на стенах своих пещер рисовали оленей и бизонов «с мастерством и очарованием, порожденными долгим совместным с ними существованием» (А. Фосийон). Неправоммерно говорить, что история этих людей принадлежит истории Франции, потому что в те времена еще не было наций. Но французская цивилизация, как и все другие цивилизации, покоится на глубоких и загадочных основаниях прошлого. Еще и сегодня можно видеть во Франции целые деревни троглодитов. На кладбищах, на могилах, мы помещаем, как и наши предки из неолита, надгробные камни. Верования в фей, в колдовство, в колдунов до сих пор распространено в наших деревнях: это отголоски первобытных религий. На посохах пастухов или на изделиях сельских гончаров бессознательно сохраняется народное искусство, где преобладают геометрические узоры или изображения животных. Можно предположить, что в конце доисторических времен существовала довольно однородная средиземноморская цивилизация со своим обменом, торговыми путешествиями, свайными городами, примитивным сельским хозяйством и первыми одомашненными животными. Запутанная сеть наших деревенских дорог, должно быть, восходит еще к эпохе неолита (Г. Рупнель). Под тонким слоем исторических времен скрываются могучие доисторические пласты, а поколения, от которых, кажется, ничего не осталось, кроме обтесанных или отполированных камней, бронзовых орудий труда, дольменов, менгиров, погребений, тропинок и источников воды, завещали человечеству наследство из слов, социальных институтов и правил, без которых было бы невозможно будущее развитие.

Женская головка из зуба лошади. Образец искусства эпохи палеолита из пещеры Мас-д'Азиль, департамент Арьеж. IX–VII вв. до н. э.

2. Никогда не существовало народа французской национальности. Та территория, которая является нынешней Францией, располагалась на краю Европейского континента. Здесь завершались вторжения, и здесь останавливались и поселялись завоеватели. В конце первого тысячелетия до нашей эры в Альпах проживали лигуры, в Пиренеях — иберы, от которых, возможно, и происходят современные баски. По Средиземному морю приплывали финикийские моряки; *Монако* — это финикийское слово, означающее *отдых, остановка*. Семитские купцы обменивали на рабов жемчуг, гончарные изделия и яркие ткани. Позднее греческие мореходы основали на побережье колонии и привезли с собой цивилизацию Востока, религиозные веяния, таинства, деньги, культуру оливковых деревьев и более совершенный язык. Из своей главной колонии *Массилия* (Марсель), основанной моряками из ионийской Фокеи около 600 г. до Рождества Христова, греки сделали торговый порт, через который транзитом шло олово, вывозимое из Британии. Марсель разрастался, и на побережье возникали новые греческие города: *Никея*

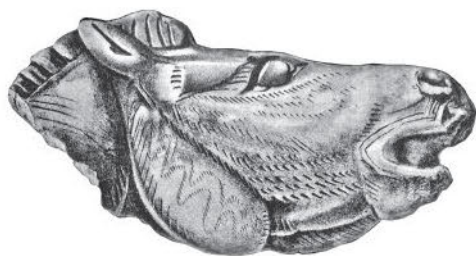
(Ницца), *Агатхэ Тюхэ* (Агд), *Антиполис* (Антиб). Греки видоизменили провансальский пейзаж, и не только тем, что привезли оливковое дерево, но они привезли также и кипарис, фиговое дерево, виноградную лозу, акант и гранат. Битва Цветов, ежегодный праздник в Ницце и в других городах на Ривьере, восходит к греческим временам и, несомненно, связан с культом Деметры, Адониса или Персефоны. Персидская роза, попавшая через Грецию в Италию, была также привезена и в Прованс. Розовой эссенцией, которую производят сегодня в Грассе, мы обязаны греческим морякам и римским легионерам.

3. Начиная с конца бронзового века в долины Рейна и Роны проникает другая, так называемая кельтская культура. Кельтские племена пастухов и воинов пришли с берегов Дуная. Эти племена по языку и обычаям принадлежали к индоевропейской группе. Мы не имеем достоверных подтверждений, что когда-то существовал единый кельтский народ. Древнегреческие писатели, для которых все «гиперборейские» варвары представляли собой единый размытый и туманный образ, называли кельтами всех иноземцев высокого роста, с белой кожей и светлыми волосами, проживающих по ту сторону гор. Но существовали и темноволосые кельты, поэтому

триумфаторы, когда проводили по Риму вереницы пленников, часто для соответствия их народным представлениям обесцвечивали им волосы. Можно, скорее, предполагать, что однородным был не кельтский народ, а кельтский язык и кельтская цивилизация. Эти люди умели ковать обоюдоострые мечи — лучшее по тем временам оружие. Раскопки в Тене (возле озера Невшатель) и в Гальштадте обнаружили значительные центры по изготовлению оружия. Кельты обладали художественным вкусом, были знакомы с греческими орнаментами и использовали их в своих ювелирных изделиях и в украшениях своих мечей. В IV в. до н. э. прекрасное оружие и смелость позволили им создать империю. Они дошли до Галатии в Малой Азии, пересекли Рейн, Альпы, заселили Северную Италию, сожгли Рим, но там не задержались, а подчинили себе местные племена в тех землях, которые сегодня мы называем Францией и Испанией. Было бы крайне ошибочно представлять, что кельты, уничтожив лигуров и иберов, заменили их на завоеванных территориях. Скорее, нужно говорить о медленном проникновении, когда военная аристократия сначала поработала местных жителей, потом с ними ассимилировалась, а язык завоевателей понемногу становился языком всех племен, проживавших западнее Рейна и Альп. В венах современных французов кровь иберов и лигуров смешалась с кельтской кровью, а также с кровью римлян и многих других народов. А что касается имени «галлы» (*Galli*), то римляне так называли кельтов.

4. Кельтская империя продержалась недолго, и в конце IV в. до н. э. Северная Италия (Цизальпинская Галлия) была присоединена к Риму. Территорию по ту сторону Альп, включающую и современную Бельгию, римляне называли Трансальпийской Галлией. Они знали, что кельты занимали также и Великобританию, и Ирландию и что галлы торговали с этими туманными островами. В глазах какого-нибудь римлянина II в. до н. э. Галлия должна была быть примерно тем же, что и Марокко для алжирца, жившего в 1880 г.: варварская беспокойная пограничная страна. Позднее военные потребности определили последующие политические аннексии. Когда Рим находился в состоянии войны с Карфагеном, военные заявили, что необходимо обеспечить связь вдоль моря на пространстве от Испании до Италии. К концу II в. до н. э. вся эта зона, включая Марсель, стала римской провинцией, и даже просто Провинцией, откуда и происходит название Прованс (*Provincia*). «*Italia magis quam provincia*» (это скорее Италия, чем

Голова лошади. Резьба по кости.
Пещера Мас-д'Азиль, департамент Арьеж.
IX–VII вв. до н. э.

Галльская статуэтка
бога или героя из Бурэ,
департамент Уаза.
III—I вв. до н. э. Бронза

провинция), — говорит Плиний, потому что природа, растительность и климат напоминали ему Италию. Там возникали прекрасные города, такие как Арль, Ним, Оранж, города с термами, форумами и аренами. Вскоре галлы в своей еще независимой Галлии ощутили угрозу и с востока от германцев, чьи воинственные и жадные племена скапливались по ту сторону Рейна, и с юга от римлян. Две группы римских граждан — торговцы и военные — требовали завоевания Галлии. Торговцы жаждали рабов, поместий и рудников; военные рассчитывали стяжать там славу и политический авторитет; они утверждали, что для защиты Рима от германцев необходимо прикрыть фланги Италии в Галлии. Благодаря одному полководцу, политическому деятелю и писателю по имени Юлий Цезарь мы имеем описание Галлии конца 50-х гг. до н. э. Читая эти описания, необходимо помнить о некоторых неточностях, неизбежно проникающих в доклады разведчиков о столь малоизвестных племенах. Но в юности наставником Цезаря был Антифон — галл по происхождению, а позднее военные походы позволили самому Цезарю пересечь всю страну.

О Галлии он был информирован настолько хорошо, насколько это вообще было возможно для римлянина и полководца.

5. Как в Галлии, так и в Британии кельтское общество было разделено на кланы, говорит нам Цезарь. Несколько кланов образовывали племя, несколько племен — племенной союз. Считается, что к моменту римского завоевания было около семидесяти двух племенных союзов и от четырехсот до пятисот племен. Многие племена дали свое имя французским городам: *Parish* (Париж), *Bituriges* (Бург), *Lexovii* (Лизье), *Ebroicii* (Эврё). Но во времена Цезаря у галлов еще не было настоящих городов. *Oppidum* племени был всего лишь пространством, обнесенным кольями, внутри которого размещалось торжище, и там же во время нападений могли укрыться люди. Там же проводил свои заседания и *сенат*, собрание крупных собственников. У некоторых племен были цари, у других — тираны, в большинстве же племен правили олигархи. Группа племен составляла лигу; почти все племена из страха перед соседями сохраняли вокруг своих территорий нетронутые леса и ланды. Историки не имеют единого мнения о численности населения Галлии во времена Цезаря; их оценки варьируются от пяти до тринадцати миллионов человек. Примитивные деревни на краю лесных прогалин, должно быть, походили на деревни племен в Центральной

Африке. В глинобитных хижинах, крытых камышом, мужчины, сидя на связках тростника, вели беседы между собой, потягивая местное ячменное пиво — сикера. Так как климат в Галлии был более холодным, чем в Италии, то они носили не тоги, а штаны и куртки из козьей шкуры. Римляне называли Цизальпийскую Галлию, жители которой были одеты как римляне, *Gallia togata*, а Трансальпийскую — *Gallia comata* или *Gallia braccata*, то есть «лохматой Галлией» или «Галлией в штанах». Деревянные сабо также поражали воображение римлян; они называли их *gallicae*, откуда к нам пришло слово *галoши*. Галлы были охотниками и пастухами, но занимались также и земледелием; в основном они питались дичью, свининой и медом, а эта пища была совсем не похожа на пищу, привычную для римских солдат, которые жаловались на мясную диету, навязанную им интендантством.

6. Религия галлов нам плохо известна. Это была та область, о которой Цезарю, чужаку, трудно было узнать истину. Мы знаем, что галлы поклонялись местным и лесным божествам: *Borvo*, божество теплых источников, которое дало имя многим бальнеологическим курортам (Бурбонн, Бурбон-Ланси, Бурбон-л'Аршанбо), а также и королевскому дому Бурбоннов; *Diva*, богиня рек (Дива, Дивонн-ле-Бен). У них существовал и более сокрытый культ, таинствам которого обучались в религиозных сообществах друидов. Центр друидизма располагался, вероятно, в Британии, так как именно туда стекались молодые друиды для прохождения инициации. Но прослеживается также и явная связь между верованиями друидов и религиями Востока. Друиды учили, что со смертью тела дух не умирает, а переходит в другое тело на таинственных елисейских полях. Они занимались магией и были немного знакомы с астрономией и медициной; во время зимнего солнцестояния они возглавляли такие символические церемонии, как сбор с дубов омелы, а во время летнего солнцестояния — огненные жертвоприношения. Следы друидических обрядов можно обнаружить и в современной Франции: в Новый год омела еще и сегодня украшает жилища (*Новый год под омелой!*), а летом, в ночь на 23 июня, еще и сегодня в деревнях пылают на косогорах костры Ивана Купалы. Друиды оказывали и некоторое нравственное влияние на своих приверженцев, но все же этого было недостаточно, чтобы объединить всю Галлию. В «Комментариях» Цезаря мы также не находим рассказов ни об одном случае успешного вмешательства этих священнослужителей в переговоры.

Жертвенник галлороманского
храма Юпитера. Лютеция.
Фрагмент. I в.

7. Галлы представляли собой варварское, но не дикое общество. Умные, чувствительные к красоте языка, интересующиеся жизнью римлян, галлы были хорошими ремесленниками и храбрыми воинами. Вместе с тем в начале I в. до н. э. любой непредвзятый наблюдатель мог бы уже прийти к выводу, что галлы недолго будут оставаться свободными. В битве при Экс-ан-Провансе (Аква Секстия) только вмешательство Гая Мария помешало вторжению кимвров и тевтонов в Галлию. Сильное государство не может примириться с существованием на своих границах государства слабого, анархичность которого делает его легкой добычей для завоевателей. Галлы были способны на героизм, но не терпели дисциплины и не обладали упорством в достижении целей. На группировки разделялись не только племена и кланы, но даже семьи. Ненависть между кланами бывала порой столь велика, что аристократия некоторых племен обращалась за помощью к римлянам, а те никогда не испытывали мучительных сомнений, завладевая страной, которую раздирали междоусобные войны и которая не имела укрепленных границ. Цицерон с презрением говорил о галлах: «Что может быть более грязного, чем их города? Что может быть более дикого, чем их земли?» Приобщение галлов к цивилизации становилось в его глазах предприятием не только законным, но даже похвальным. Поэтому было совершенно ясно, что в тот день, когда какой-нибудь римский полководец решится завоевать галлов, общественное мнение будет на его стороне.

8. В 58 г. до н. э. проконсулом обеих Галлий, Цизальпинской и Трансальпийской, был Юлий Цезарь, сорокадвухлетний политик, амбиции которого можно было сравнить только с его талантами. Образованный, учтивый, снисходительный, но чуждый угрызениям совести, незнакомый ни с ненавистью, ни с жалостью, Цезарь внимательно следил за тем, как умирает римская республика. Он считал, что республиканская аристократия долго не протянет и что однажды кто-то должен будет взять власть в Риме в свои руки. Он хотел стать этим вождем. Но для исполнения такого великого замысла ему необходим был личный авторитет и армия. Проконсулат над обеими Галлиями мог ему дать и то и другое. К 59 г. раздоры между галлами подготовили почву для вторжения. Племя секванов, ведя войну с племенем эдуев, обратилось за помощью к германскому вождю (Führer) свеву Ариовисту, который пришел на зов в их земли, но потом не пожелал оттуда уходить. Тогда эдуи попросили помощи у римлян. В это же время Галлии угрожали и гельветы (швейцарцы), которых, в свою очередь, теснили германцы. Цезарь пришел, увидел, победил, остановил варваров и основал на Рейне военную заставу. Его конечной целью являлось покорение галлов. У Цезаря было только одиннадцать легионов по пять тысяч человек

плюс вспомогательные войска, а галльское воинство было гораздо более многочисленным. Но армия галлов была раздробленной и плохо дисциплинированной. Легионы Цезаря, состоявшие из хорошо обученных ветеранов, обладали к тому же и большим преимуществом в вооружении: у них были метательные машины — баллисты и онагры. Его армия включала в себя балеарских пращников и нумидийскую конницу. Прекрасно построенные римские лагеря окружались тройной защитой: рвами, насыпью, палисадами. В Испании Цезарь уже приобрел некоторый военный опыт. Он не был великим тактиком, но зато был прекрасным организатором. Успехам способствовал и его характер. Его решения были быстры, передвижения войск держались в тайне и оказывались молниеносными, а наступления были неожиданными и неудержимыми. Из-за раздробленности галлов и благодаря помощи племен, настроенных в пользу Рима, он сумел за несколько лет завоевать всю страну.

9. Цезарь обращался с галлами с жестокостью, которую он никогда не позволял себе в Риме. Казалось, что по отношению к ним он не испытывал никаких душевных терзаний; он арестовывал их парламентаров, присваивал золотые и серебряные изделия, тысячами продавал с торгов пленников. Эта огромная военная добыча сделала его одним из самых богатых и самых влиятельных людей Рима. «Он подчинил галлов римским оружием, а римлян — галльскими деньгами». Но такие жестокости вызвали восстание. Аристократия, призвавшая римлян на помощь, уже сожалела о своей неосторожности. Верцингеториг, сын вождя арвернов, красивый, гордый, юный герой, безраздельно преданный борьбе за свободу своей страны, возглавил повстанцев и попытался отрезать северные римские легионы от их баз. Он полагал, что заснеженная горная гряда Севенн надежно защищала его от Цезаря. Но Цезарь, преодолевая по 80 км в день, устремился с отрядом в двадцать тысяч человек к месту восстания. У Верцингеторига не было необходимого осадного оборудования для наступления на римский лагерь. Он попытался обречь римлян на голод, уничтожая поля и деревни на их пути. В течение многих месяцев, ведя партизанскую войну, он сковывал лучшую в мире армию, но его поражение было неизбежно. Бург (*Avaricum*), самый красивый город Галлии, был взят приступом, а его жители истреблены. Разобщенность галлов вновь способствовала их поражению. В сентябре 52 г. до н. э. осажденный в Алезии Верцингеториг вынужден был сдаться. Он предложил себя Цезарю в качестве искупительной жертвы, и тот казнил его после четырехлетнего пленения. Но борьба за независимость продолжалась еще некоторое время. Все выступления Цезарь подавлял с крайней жестокостью. Один миллион пленников был депортирован и продан в рабство. Многим повстанцам отрубили

кисть правой руки. И наконец, постоянное избиение населения привело к успокоению страны. Галльская война длилась десять лет. Она изменила внешний вид и будущее Европы. Если бы Галлия не была латинизирована, то очень скоро Римская империя стала бы некой восточной империей. Латинизированная Галлия перетянула чашу весов в пользу Запада.

10. Итак, Галлия была латинизирована, и жестокость репрессий не помешала быстрой ассимиляции. Цезарь, честолюбивые устремления которого обратились теперь к Риму, решил оставить за своей спиной мирную Галлию. Он прекрасно умел и подчинять, и привлекать людей на свою сторону. Галлы любили войну; он открыл им доступ в свои легионы и даже создал отдельный элитный легион, целиком укомплектованный галлами, название которого — «Жаворонок» — полностью отражало черты их характера. Галльская знать стремилась к римским должностям; Цезарь проводил ту же самую политику, которую через девятнадцать веков в Марокко использовал Лиотэ, — политику «больших кайдов», которая заключается в том, что завоеватель заручается поддержкой элиты завоеванной страны. Рим охотно предоставлял права гражданства присоединенным народам: «Вы возглавляете наши армии, — внушал им Рим, — вы управляете нашими провинциями; между вами и нами нет ни различий, ни преград». Галлы обладали врожденным красноречием, и вскоре их сыновья стали блистать на Форуме. Аристократия быстро романизировалась. Модными именами стали Юлий, Цезарь, а позднее и Август. Древние фамилии уже не хвалились своими галльскими предками, а утверждали, что происходят от Венеры или Геркулеса. В каждом городе муниципальный сенат давал им возможность украшать свои имена римскими титулами. Такие южнофранцузские фамилии, как Таладуар или Маламэр, восходят к именам римских колонистов *Talatorius* и *Malamater*. Сенаторы щеголяли тем, что говорят на правильном латинском языке, и с провинциальным педантизмом утверждали, что находят удовольствие в выступлениях риториков.

Во Вьенне, в Лионе, в Лютеции (в городе племени *Parisii*) — повсюду строились римские города с их театрами и базиликами, которые являлись одновременно и ратушами, и залами судебных заседаний. Вода доставлялась в эти города по римским акведукам. Женщины, одетые по римской моде, делали покупки на рынках, выложенных белым мрамором. Цицерон сетовал, что в самом Риме галльские штаны все чаще появлялись на трибунах. Но среди простого населения ассимиляция шла гораздо медленнее. Марциал хвастался тем, что его читали даже галлы, но хотя в 1940 г. у Поля Валери и были читатели в Тунисе, это еще не означало, что тунисцы, проживающие в деревнях, говорили по-французски. Процесс замещения одного общенародного языка другим требует нескольких веков. Галльский крестьянин вынужден был запоминать некоторые латинские

слова, чтобы разговаривать с римскими колонизаторами, чтобы препираться с представителями фиска или чтобы служить в легионах. Бывшие солдаты приносили с собой в деревню римскую *культуру*. Объединению Галлии способствовали дороги, проложенные в стратегических направлениях. Постепенно все привыкли думать, что и за пределами города существует единая власть — власть государства и что государственные чиновники важнее, чем местные власти. В месте слияния Роны и Соны для празднования культа Августа ежегодно собирался *Concilium Gallicanum* — нечто вроде Национальной ассамблеи. И все начинали считаться с новым, чисто римским понятием — законом.

11. На протяжении пяти веков Галлия оставалась римской провинцией. Это период, равный по времени периоду, отделяющему Столетнюю войну от войны 1870 г. Совершенно ясно, что за эти пять столетий изменялись принципы управления Галлией со стороны империи. Но основные положения сохранялись. Поначалу в Галлии существовало три правительства: аквитанское, лионское и бельгийское — с общим губернатором, находившимся в Лионе. Позднее, возле границ, которым угрожали варвары, в городах Трире, Ахене стал помещаться префект претория. Император Юлиан, друг галлов, сделал излюбленным местом своего пребывания Лютецию. Римские чиновники были многочисленны и педантичны. При префекте претория находились главный секретарь суда, глашатай, директор тюрем, секретарь (*curator epistolarum*), казначей и бесчисленные писцы. Губернатору платили и натурой, и золотом; он имел право на повара, а если не был женат, то и на сожительницу, потому что «*quodsine his esse nonpossunt...*» (без этого они не могли обходиться...). Административный деспотизм умерялся существованием куриий, или муниципальных советов, и защитника города (*defensor civitatis*), но на самом деле галлы опасались этих муниципальных должностей, и быть освобожденными от них считалось привилегией, потому что чиновники курии отвечали за сбор налогов своим собственным имуществом. Налоги были очень высокие. Можно даже сказать, что чрезмерное налогообложение явилось одной из причин падения Римской империи.

12. Теперь следует рассказать о том, как на территории Галлии была организована финансовая система империи, потому что и она потом долго еще оказывала влияние на историю налогов во Франции. В IV в. Рим взимал: а) прямые налоги: земельный налог на кадастровую стоимость земли — *tributum soli*, который пересматривался каждые пятнадцать лет, и подушный налог, *tributum capitis* (этим двум налогам во Франции старого режима будут соответствовать талья и подушная подать); б) косвенные

налоги: таможенные сборы, пеаж (налог за проезд по дорогам), монополия на соль, налоги на торговый оборот (1%) и бесчисленные вторичные пошлины. Такая фискальная система страдала двумя недостатками: она была громоздкой, а налоги распределялись несправедливо. Крупные землевладельцы, имевшие покровительство, получали освобождение от налогов. Чиновники курий, устанавливавшие налоги, не отличались честностью. «Сколько чиновников курий, столько и тиранов», — говорит Сальвиан, а Авзоний добавляет: «Регистры налогообложения сотканы из обманов». Наказания бывали ужасными; администрация применяла пытки, чтобы проверить декларации налогоплательщиков. Конечно, существовал *defensor civitatis*, избираемый жителями, но в противовес ему богатые создали еще и должность защитника в сенате. На самом же деле, чтобы чувствовать себя защищенным, следовало иметь влиятельного патрона; так еще в римский период появляются первые черты феодализма.

Кельтская монета.
Бассейн Роны. I в. до н. э.

13. И тем не менее в первые годы после завоевания Галлия процветала. Именно в тот период появилась у галло-римлян склонность к сельскому хозяйству и любовь к земле, унаследованные позднее французами. Можно только вообразить те радости жизни первых поколений, которые, в противоположность анархии, обеспечивал им римский мир (*Pax Romano*). Наконец-то в стране появились дороги, границы, военная полиция. Повсюду по пути следования римлян возводились дома нового, средиземноморского типа, виллы, украшенные колоннами и портиками, статуями из мрамора и обожженной глины. Жители городов жили в незнакомой дотоле роскоши: общественные бани, разнообразие спектаклей. Еще несколько десятилетий назад галлы обитали среди лесов в глинобитных хижинах. Теперь же галло-римляне распахивали и обрабатывали новые земли, богатели и продавали плоды своих земель Риму, всегда готовому покупать галльское зерно (дешевизна которого поражала Полибия) и галльские копчености. Галлия становилась «Северным Египтом» (Г. Ферреро).

14. Однако плебс городов и сельскохозяйственные рабочие противились некоторым переменам. В сельской местности жители оставались верны кельтским традициям. Язычник (поганый — *païen*) и крестьянин (пейзан — *pausan*) происходят от одного и того же латинского слова *paganus*.

«Укоренившаяся мифология» народа не принимала богов завоевателей. Но в средиземноморском мире уже начинала распространяться новая, народная религия. Уже в I в. н. э. евангелисты, пришедшие с Востока, говорили о Христе. Христианству потребовался целый век, чтобы появиться в Лионе. Рим относился терпимо к любой религии, лишь бы, со своей стороны, она терпимо относилась к культу императора. Но христиане не принимали ни поклонения ложным богам, ни жертвоприношений Цезарю. Они проповедовали необходимость раздачи богатств и разбивали молотами статуи Венеры и Юпитера. Начиная с правления Траяна их будут преследовать. Кровь мучеников — святого Ириния, святой Бландины, святого Дионисия — укрепляла сердца. В городах проповедовали миссионеры, в честь которых были позднее воздвигнуты кафедральные соборы: Марциал в Лиможе, Гатиан в Туре, Сатурнин в Тулузе. Позднее, начиная с правления Константина, когда империя приняла христианство, базилики (которые не были для римлян культовыми сооружениями) были превращены в церкви. Возрастала значимость епископа. В ранний период он избирался верующими, но эти выборы вызывали такое количество разногласий, что часто народ взывал к какому-нибудь святому человеку с просьбой избрать им пастыря. Позднее, с ослаблением империи, Церковь оставалась единственной организованной властью. В глазах народных масс она представляла правосудие, а элита была ей признательна за сохранение культуры.

15. Мы не должны забывать, что в тот период уже существовала галльская культура, еще не очень развитая, но вполне процветающая. В IV в. в Бордо, в Отене, в Пуатье, в Марселе, в Тулузе, в Лионе тысячи молодых людей посещали школы грамматики и риторики. Преподаватели являлись чиновниками империи. «Нам угодно, — писал император Грациан префекту Галлий, — чтобы ритору предоставлялось тридцать рационов, двадцать — преподавателю латинской грамматики и двенадцать — преподавателю греческой грамматики, если только удастся найти такого, кто способен это делать...» Кельтский темперамент легко усвоил традиции латинского красноречия. Греческий язык тоже имел своих почитателей. Авсоний, патриций и поэт, живший в Бордо, хотел, чтобы его внук начал свои занятия литературой с изучения трудов Гомера и Менандра. Но к сожалению, религиозная культура была скорее формальной, чем реальной. «В конце IV в. в Галлии имелось значительное количество влиятельных и уважаемых людей, облеченных большими полномочиями со стороны государства, которые оставались полуязычниками-полухристианами, то есть не приняли ни одну из сторон, и которые, по правде говоря, очень мало заботились о выборе религии. Это были люди умные, образованные, философы, любящие науку и духовные радости, люди богатые и живущие в роскоши...»

(Ф. Гизо). Эти крупные вельможи Римской Галлии вели жизнь легкую и приятную, а остроумие и литературные занятия украшали пустоту их жизни. В V в. Сидоний Аполлинарий, человек просвещенный, епископ и ритор, описал одну религиозную церемонию, по окончании которой клирики и миряне с воодушевлением беседуют о литературе, растянувшись на траве под сплетением виноградных лоз. Потом епископ предлагает сыграть в лапту, и после долгой игры в мяч Сидоний пишет маленькое шутивное стихотворение. Другие христиане, более суровые, удалялись в монастыри, первые из которых основал около 360 г. святой Мартин, один — в Липоже (возле Пуатье), а другой — в Мармутье (возле Тура). Западное монашество очень сильно отличалось от монашества восточного. На Востоке люди удалялись в «пустыню», потому что хотели избежать искушений, и каждый поодиночке (*monoi*) предавался строгому аскетизму. В Галлии, напротив, монастыри стремились объединить людей, которые желали бежать от мира, чтобы *совместно* жить духовной жизнью. Монастыри на юге Галлии (в частности, Леринский монастырь, основанный святым Гоноратом на островах вблизи Канн) превратятся в центры новых идей и в места, где готовились епископы. Любой вопрос вероучения или богослужения становится предметом активной переписки местного епископа со святым Августином в Гиппоне или со святым Иеронимом в Вифлееме. Поэтому можно сказать, что «Отцы Церкви усердно трудятся, священники разъезжают, сочинения находятся в обращении», христианский мир остается живым, а империя умирает.

16. Сразу после завоевания и еще три века вслед за тем Рим обеспечивал безопасность Галлий. Вдоль Дуная и Рейна военные походы или демилитаризованные территории помогали держать варваров на расстоянии. *Лимес* — стратегическая приграничная дорога, огражденная траншеями, на которой через каждые 10–15 км сооружались укрепленные башни (*castelli*), — создавала подобие линии Мажино, где войска, особенно галльские, постоянно несли службу. В арьсгарде для защиты этой линии от возможных агрессоров империя содержала маневренные войска, состоящие из восьми легионов в I в. и из четырех во II в. Сверх того, по Рейну патрулировала флотилия, а в *Colonia* (Кёльн) и в *Augusti Burgus* (Аусбург) располагались военные поселения ветеранов. Около 275 г. их гарнизоны перестали быть римскими. Империя испытывала недостаток в людских ресурсах. Профессия солдата перестала нравиться гражданам, предпочитавшим выплачивать налог для покупки себе «заместителя». Тогда императоры стали набирать варваров и размещать их на границах, раздавая им земли в силу правила о «военном гостеприимстве». Это положило начало королевствам варваров. Но эта новая армия страдала полным отсутствием патриотизма.

Время от времени избирали нового императора, чтобы получить награды к радостному событию. Политические волнения порождали военную анархию. Рейды германцев опустошали Галлию. Даже такие далекие города, как Бордо и Перигё, разрушают храмы, чтобы из их камней возвести защитные стены. Не только варвары предают Галлию огню и мечу — ее разоряют и незаконные поборы римской бюрократии, алчной до фиска. Налоги столь тяжелы, что мелкие собственники продают свои земли, чтобы ускользнуть от куриалов. Римская администрация стала столь дорогостоящей, что начинает потреблять все собранные средства сама на себя. В эпоху Юлиана «Галлия находилась на последнем издыхании» (Аммиан Марцеллин). Еще целый век империя сохраняла достойный вид, но была уже полностью истощена. Однако даже и после прекращения управления со стороны империи Галлия остается островком латинского мира. В противоположность германскому или балканскому населению галло-римляне действительно были ассимилированы Римом. Именно Рим дал им название, которое их объединило и сохранилось как название страны *Gallia*; Рим открыл им культуру античного мира, Риму обязана Галлия своим чувством уважения к праву и закону. Еще долгое время Галлия будет испытывать ностальгию по империи. И однажды галлы попытаются ее восстановить.

II. О ТОМ, КАК ВАРВАРЫ СМЕШАЛИСЬ С ГАЛЛО-РИМЛЯНАМИ

1. По ту сторону Рейна, в лесах, горах и равнинах Германии, проживали многочисленные племена, которые не образовывали племенных союзов, но говорили на похожих языках и имели одинаковые обычаи. Тацит описал их в своей знаменитой книге, где он противопоставляет добродетели этих варваров порокам испорченной цивилизации. «Германцы» Тацита имеют такое же отношение к истинным германцам, какое много веков спустя будет иметь «хороший дикарь» Руссо к каннибалам. Тацит идеализировал кровожадных соседей из глубокой ненависти к современному ему Риму. Впрочем, у германцев, возможно, и были некоторые добродетели: смелость, преданность вождю, — но они были свирепы, коварны и жестоки по отношению к чужакам. Они любили войну и охоту. Собрание воинов выбирало короля и поднимало его на щит; этот государь становился первым среди равных; он напоминал тех царей из «Илиады», авторитет которых дерзко оспаривался строптивыми воинами. Во время войны германцы подчинялись предводителю дружины — *Führer*, который одновременно мог быть и королем и которому под угрозой общей опасности они слепо повиновались. Но эта связь

выстраивалась на личностном уровне, а не на законной основе, как в Риме. В целом можно сказать, что оба, впрочем не до конца ясные, понятия «племени» и «дружины» преобладали в политической и военной жизни германцев (М. Блок). Концепция племени предусматривала выборы короля и власть собрания; понятие дружины основывалось на мистической связи, существовавшей между воинами и *Führer*. Германские племена, не очень ясно, каким образом, объединялись в этнические общности: остготы, вестготы, саксы, тевтоны, вандалы. Они постепенно продвигались на запад и на юг в поисках новых земель и пастбищ (*Lebensraum*¹), потому что у них было много детей, а неумелое ведение сельского хозяйства истощало почву; они одинаково завидовали и богатству империи, и ее климату. Кроме того, германцы испытывали постоянное давление с востока со стороны гуннов, воинственного монголоидного народа, пришедшего с просторов Азии.

2. Нашествия варваров на территорию Галлии и Италии не носили характера массового вторжения организованных армий. Германцы не стремились ни завоевывать, ни разрушать империю — они восхищались ею. Рим, испытывавший нехватку людских резервов, вербовал племена, создавал из них вспомогательные войска и поручал им охрану границ. Здесь варвары, как и римские войска, имели право на *hospitalitas*, то есть право на свою долю земель и жилищ. Понемногу эти воины не без оснований стали полагать себя незаменимыми. Те из них, что входили в личную охрану императора, стали считать, что могут возводить и низвергать государей. Начиная с III в., когда ослабли связи внутри государства, вооруженные дружины стали проникать в Галлию. Чаще всего они бывали немногочисленны, не более пяти-шести тысяч смельчаков. Они опустошали какой-нибудь район, сжигали посевы, убивали мужчин, захватывали женщин, а затем уходили. Но иногда они оставались и селились, стремясь держаться компактной группой. Понемногу дружины, занимавшие одну и ту же территорию и принадлежавшие к одной и той же группе, образовывали свое королевство. Вот так и случилось, что в V в., не встретив организованного сопротивления, Аквитанию заняли вестготы, долины Соны и Роны — бургунды, Эльзас — алеманны, а север Галлии — франки.

3. Все же в районах, занятых варварами, преобладали галло-римляне. Но их раздробленность и ослабление позиций империи делали из галлов легкую добычу. Часто галло-римляне укрывались в городе, окруженном валами, а германцы разбивали вокруг свои лагеря на развалинах загородных вилл. В продолжение некоторого времени оба народа жили бок о бок,

¹ Жизненное пространство (нем.).

и, хотя каждый продолжал говорить на своем языке, «братание» становилось неизбежным. Налаживались взаимообмен, сожителство и официальные браки. Когда варвар брал в жены галлороманскую женщину, то их дети говорили на языке матери. Понемногу латынь возобладала над германским языком, от которого в народной речи остались только военные словечки: шлем (*heaume*), перемирие (*trêve*), поселение (*bourg*), пролом [в стене] (*brèche*). Позднее для отражения новых нашествий франки и галло-римляне были вынуждены объединиться. Когда в 437 г. гунны напали на бургундов и вступили с ними в сражение, послужившее сюжетом для «Песни о Нибелунгах», то территории, где проживали галло-римляне, приняли как гостей бургундских беженцев, а в 451 г. галлы, франки и римляне под предводительством Аэция, «последнего из римлян», и при духовной поддержке христианских святых (например, святой Женевиевы, покровительницы Парижа) наголову разбили гуннов Аттилы в битве на Каталаунских полях (Шалон-сюр-Марн). Эта победа спасла Запад, потому что бургунды, готы и франки, в отличие от гуннов, испытывали искреннее уважение к Риму. Жениться на римской патрицианке было в их глазах настоящей удачей. Они отдавали себе отчет, что если хочешь управлять романизированными народами, то необходимо уметь говорить на латыни и знать римское право. В V в. жизнь в Галлии, особенно южнее Луары, вовсе не была невыносимой. Люди образованные, такие как Сидоний Аполлинарий, не предполагали, что империя стоит на пороге гибели. Они стремились установить взаимопонимание с готами и франками, которые являлись на заседания совета в звериных шкурах или в коротких туниках и от волос которых исходил запах прогорклого масла, а от тел — запах чеснока. Они надеялись их цивилизовать. Плохо или хорошо, но римская администрация функционировала до самого конца. В случае необходимости Сидоний Аполлинарий мог еще довольно быстро добраться от Лиона до Рима. Затем всякие связи прервались. Приказы из центра перестали поступать. Долше всего держалась организация муниципальной жизни, которая значительное время оставалась галло-римской. Наконец в 476 г. Западная Римская империя перестала существовать, но император Восточной Римской империи продолжал поддерживать видимость единства империи. Он делегировал на Запад свои полномочия королю остготов Теодориху и, как говорят, епископу Рима (что позднее, вероятно, придало законные основания светским притязаниям папства).

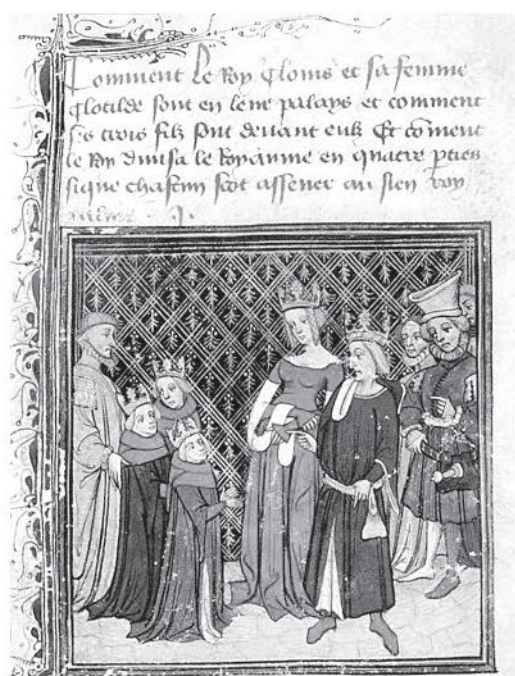
4. После падения империи Галлия представляла собой мозаику варварских королевств. Это были не организованные государства, а просто дружины, предводители которых делегировали права управления на местах своим подчиненным: *comites* (графам) и *duces* (герцогам). Поначалу в соответст-

вии с германскими обычаями еще собирались ассамблеи свободных людей для обсуждения важных вопросов и для совершения правосудия, но, когда в мирное время дружина разбрелась по своим поместьям, полученным воинами в награду за службу, король все чаще стал советоваться только со своими дружинниками, проживавшими вместе с ним (*двор*, то есть те, кто собирался во дворе его поместья). И довольно быстро предводитель франков Хлодвиг возвысился над другими варварами. В этот же период становится все более и более влиятельной и Католическая церковь. Если мы внимательно изучим карту Франции, то увидим, что 4400 деревень «носят имя святых. Существует 770 деревень Святого Мартина, 461 — Святого Петра, 444 — Святого Иоанна, 274 — Святого Жермена, 185 — Святого Павла, 148 — Святого Обена...» (Р. Лакур-Гайе). Христианская религия еще давала некоторые гарантии единства обеих Галлий. Хлодвиг же был язычником, но именно этот факт в значительной степени облегчал его взаимопонимание с Церковью, в отличие от отношений, существовавших между Церковью и бургундскими или вестготскими королями, которые были христианами, но последователями учения Ария, то есть верили, что природа Бога Отца и Бога Сына в Святой Троице различны. Для ариан

Король Хлодвиг и св. Ремигий.
Французская миниатюра. XIV в.

Король Хлодвиг и его семья.
Миниатюра Хроники Сен-Дени. XIV в.

Клотильда Бургундская.
Фрагмент скульптурного
декора собора Нотр-Дам
в Корбейле. XII в.

Христос не был ни полностью человеком, ни полностью Богом, что представлялось очень опасной ересью, которая делала из Христа полубога и под предлогом унитаризма поощряла некий политеизм. Но Хлодвиг под сильным влиянием Клотильды, своей супруги-католички, принял христианство [в ортодоксальной форме. — *Примеч. перев.*], что обеспечило ему могущественную поддержку епископов, приверженных Троице, для которых основной задачей была победа в Галлии над арианством и всеобщее признание единосущности Бога Отца и Бога Сына. Но для Хлодвига «триединство Троицы представлялось делом политическим и военным» (Ф. Функ-Брентано). И он прилагал постоянные усилия для достижения своей цели. Хлодвиг был безжалостным циником, его возвышению способствовали как хитрость и убийства, так и успешные сражения. «Ежедневно, — наивно объясняет Григорий Турский, — Бог поражал своей рукой врагов Хлодвига и увели-

чивал его королевство, потому что он шел к Господу с открытым сердцем и делал все, что было угодно Богу». Уничтожая врагов и друзей, Хлодвиг сумел расширить свое королевство до Пиренеев. «Горе мне, — восклицал он, — что я остался чужим среди чужестранцев и нет у меня никого из родных, которые могли бы мне чем-либо помочь в минуту опасности!»¹ «Он говорил так из хитрости, — простодушно замечает Григорий Турский, — чтобы проверить, не остался ли еще кто-нибудь, кого следовало убить».

Но этот царственный разбойник имел большие заслуги. После падения империи он утвердил территориальное единство Галлии, которая вскоре стала называться Францией (землей франков); он освятил союз короны и Церкви, послуживший условием духовного единства страны; и, наконец, с гордостью приняв от императора Анастасия титул римского консула, он утвердил преемственность власти.

5. Согласно обычаю германцев, воины имели право избирать короля, но только из одной определенной семьи. Король имеет большой авторитет, если он является потомком рода героев или военного вождя и если он помазан Церковью. Символом его власти служат длинные волосы (это отголосок мифа о солнечных героях, так как длинные волосы олицетворяют

¹ Перев. с лат. В. Д. Савуковой.

лучи солнца). Он живет вместе со своими воинами в огромном поместье, доходы с которого идут на их жизнь. Королевская резиденция — это настоящая деревня, жители которой занимаются разными ремеслами: от ювелирного дела до ткачества. Франкский король переезжал из поместья в поместье в сопровождении своих *leudes* (левдов), то есть «офицеров», а в больших сундуках с тройными запорами перевозили его сокровища в монетах, ценных кубках и драгоценностях. По дороге король охотился, ловил рыбу и заводил многочисленных наложниц среди дочерей своих слуг. Если любовнице короля удавалось ему понравиться, она могла рассчитывать стать супругой и королевой; в этом случае предыдущая королева изгонялась и насильно заключалась в какой-нибудь монастырь. Междусемейные убоицы и распри были излюбленным «спортом» франкских королей. Они приводили к разорению страны, которая процветала в мирные времена, гарантированные Римом. Понемногу закрылись школы, и латинская культура была забыта всеми, кроме Церкви и нескольких «королей-маньяков», таких как Хильперик, который хвалился тем, что он латинист и теолог, и хотел прибавить буквы к латинскому алфавиту, чтобы отобразить некоторые звуки, присущие германским языкам. Вначале еще выживали города, находящиеся под защитой епископов, потом и они пришли в упадок. Военная аристократия землевладельцев остается в этот период единственной властью. Эти дворяне-помещики, полуразбойники-полужандармы, защищают своих крестьян от других разбойников. Церковь является тем убежищем, неприкосновенность которого нельзя нарушить, не совершив святотатства, и беглец имеет право там укрываться. Религия остается могущественной, потому что верующие — или, по крайней мере, суеверные — король и высшее сословие боятся вечной кары. Когда Мероверей укрылся в Туре возле гробницы святого Мартина, он открыл Книгу Царств, чтобы по письменам узнать свою судьбу, и прочел: «За то, что вы оставили Господа... предал вас Господь, Бог ваш, в руки врагов ваших»¹; после этого он плакал горячими слезами. Так через посредство Церкви римский закон еще пытался смягчить жестокость варваров, но, чтобы обуздать звериную природу человека, потребовалось создание новой цивилизации.

6. Меровингская династия королей правила во Франции более трехсот лет — дольше, чем Валуа и Бурбоны. История этой династии нам известна из трудов галло-римского епископа Григория Турского, а также из современных работ Огюстена Тьерри (1840), написанных талантливо, но вызванных к жизни — как и «*Germania*» Тацита — политическими страстями.

¹ Перев. с лат. В. Д. Савуковой. Здесь свободное изложение Григорием Турским Книги Царств. Ср.: 3 Цар. 9: 9.